

УДК 343.141

*В.Ю. Стельмах***ОБЪЯСНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПОЛУЧЕНИЯ, ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Рассматривается правовая природа объяснений в уголовном судопроизводстве. Автор полагает, что объяснения имеют уголовно-процессуальную, а не административно-правовую природу. Процессуальный порядок объяснения должен по возможности соответствовать порядку производства допроса. Вместе с тем при получении объяснений опрашиваемый не имеет обязанности сообщать сведения, а также не может предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. В настоящее время в правоприменительной практике, помимо получения объяснений, распространен «перекрестный опрос», то есть одновременное попеременное получение объяснений от двух лиц. Результаты получения объяснений не могут считаться показаниями, а с точки зрения видов доказательств расцениваются в уголовном судопроизводстве как иные документы. При этом объяснения, как правило, не могут иметь доказательственного значения, поскольку не имеют такого гарантирующего правильность сообщаемых сведений механизма, как предупреждение опрашиваемого об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. При этом в некоторых ситуациях объяснения рассматриваются в совокупности с позднее данными показаниями для оценки достоверности этих показаний.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возбуждение уголовного дела, проверочные действия, объяснения, доказательства, иные документы.

В ст. 144 УПК РФ предусмотрены действия, предназначенные для проверки сообщений о преступлениях в стадии возбуждения уголовного дела. В науке уголовного процесса они называются «иными процессуальными» [1. С. 217] или «проверочными» [2. С. 8]. Термин «проверочные действия» является в значительной степени условным, поскольку так можно назвать все процессуальные действия, разрешенные до возбуждения уголовного дела, в том числе и следственные, поскольку все они могут быть использованы для проверки сообщения о преступлении. По нашему мнению, в силу своей лаконичности и точности термином «проверочные действия» будет корректно именовать те действия, которые не являются следственными и проводятся до возбуждения уголовного дела. Это понимание названного термина в «узком» смысле, и именно так указанный термин будет употребляться в данной статье.

В действующей редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ в один ряд, без какой-либо градации, помещены разнородные по своей юридической сущности действия. Одни из них являются следственными (осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, освидетельствование, назначение и производство экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования), другие – проверочными в узком смысле (получение объяснений, истребование документов и предметов, проведение ревизий и документальных проверок), третьи вообще не являются самостоятельными действиями, а лишь представляют собой форму участия в определенных действиях лиц, обладающих специальными знаниями (привлечение специалистов). Кроме того, в эту же норму включено и направление поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий, которые регламентируются отдельным законом. Вместе с тем в теории уголовного процесса разграничиваются следственные действия, проверочные действия в узком смысле и оперативно-разыскные мероприятия.

Получение объяснений является наиболее часто применяемым проверочным действием. По своей гносеологической природе оно представляет собой получение сведений, отраженных в сознании человека, и последующее закрепление этих сведений в письменном документе. Получение объяснений по своей сути сходно с таким следственным действием, как допрос. Различия между ними имеют скорее формально-юридический характер и обусловлены особенностями нормативной регламентации, а не содержанием. Как и допрос, получение объяснений допускается у любых лиц независимо от возраста, национальности, состояния здоровья и подобных факторов. Главное условие – возможность лица правильно воспринимать те или иные обстоятельства и сообщать сведения по поводу этих обстоятельств.

В науке на протяжении достаточно длительного времени решается вопрос о том, чем с точки зрения правового регулирования является объяснение, получаемое в стадии возбуждения уголовного

дела – административно-правовым [3. С. 66] или уголовно-процессуальным актом [4. С. 59; 5. С. 393; 6. С. 361]. Думается, что более правильной представляется вторая точка зрения. Действие предусмотрено нормами уголовно-процессуального права и именно для решения задачи уголовного судопроизводства на его первой стадии, но законодательные акты в области административного права (например, КоАП РФ или Федеральный закон «О полиции») также предусматривают возможность получения объяснений. Вместе с тем это обстоятельство не противоречит высказанному тезису об уголовно-процессуальной природе объяснений, закрепленных в ст. 144 УПК РФ. Законодатель просто использует в различных отраслях права одинаковые наименования для сходных по содержанию действий. В российском праве такие конструкции встречаются довольно часто. Например, термином «задержание» называется и мера административно-правового обеспечения, и мера уголовно-процессуального принуждения (ст. 91 УПК РФ). Термин «арест» употреблен для наименования и административного, и уголовного наказания. Подобный подход является правильным, поскольку он избавляет от необходимости искусственно создавать новые наименования. То же обстоятельство, что в каждом из названных и иных аналогичных случаях требуется применять тот или иной термин в его отраслевом понимании, не должно представлять какой-либо сложности для специалистов в области права, осуществляющих профессиональное толкование нормативных положений.

Таким образом, получение объяснений, предусмотренное в ст. 144 УПК РФ, является по своей сути уголовно-процессуальным действием. Следовательно, при его проведении требуется максимально учитывать как общие правила, относящиеся к формированию доказательств, так и стремиться, насколько это возможно, сблизить процедуру получения объяснений с процедурой наиболее близкого следственного действия – допроса.

Получение объяснений, будучи сходным с допросом, имеет и некоторые существенные отличия от данного следственного действия.

Во-первых, лицо, дающее объяснения, не обязано отвечать на поставленные вопросы, вправе отказаться от сообщения сведений [7. С. 54] и при этом не предупреждается об уголовной ответственности от дачи показаний [8. С. 111]. Встречающиеся иногда в практической деятельности отступления от этого правила не основаны на законе. Во-вторых, в отличие от допроса, получение объяснений не дифференцируется в зависимости от процессуального статуса лица, от которого эти объяснения получают.

Оба отмеченных различия обусловлены фундаментальными особенностями стадии возбуждения уголовного дела, не предполагающей применения мер процессуального принуждения и наличия у участвующих лиц (кроме государственных органов и должностных лиц, обладающих властными полномочиями в сфере уголовного судопроизводства) статуса участников уголовного процесса. Именно по причине фундаментальности названные факторы не могут быть преодолены путем внесения частных изменений в нормы, регламентирующие непосредственно порядок получения объяснений, поскольку в таком случае эти нормы будут противоречить более общим положениям уголовно-процессуального права.

До недавнего времени процессуальный порядок получения объяснений в стадии возбуждения уголовного дела законодательно не регламентировался [9. С. 27]. Вместе с тем нельзя сказать, что он был полностью произвольным. Правоприменительными органами при проведении указанного проверочного действия учитывались: а) конституционные права и свободы граждан, которые должны соблюдаться при проведении любого действия в сфере любой правовой отрасли; б) принципы уголовно-процессуального права, предполагающие охрану прав и свобод гражданина, уважение его чести и достоинства, презумпцию невиновности на всех стадиях уголовного судопроизводства; в) объективные гносеологические закономерности, обуславливающие саму возможность восприятия получаемых сведений (например, приглашение переводчика при получении объяснений от лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства).

В настоящий момент порядок получения объяснений урегулирован более детально. Так, в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ закреплены следующие процессуальные права участников данного проверочного действия: а) не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников; б) на пользование услугами адвоката; в) принесения жалоб на действия должностных лиц; г) на оставление в тайне данных о личности и использование при проведении проверочных действий псевдонима. Важно, что обеспечить реализацию этих прав обязано должностное лицо, получающее объяснение.

В силу прямого указания закона при получении объяснений может присутствовать адвокат лица, от которого отбирается объяснение. Вопрос об объеме процессуальных прав адвоката при проведении данного проверочного действия является довольно сложным, поскольку само лицо, дающее объяснения, не наделено статусом участника уголовного судопроизводства. Статус же адвоката всегда в определенной мере произведен от статуса представляемого им лица. Для устранения возникшей коллизии некоторыми учеными предлагается детально регламентировать в УПК РФ статус заподозренного и очевидца как особых участников стадии возбуждения уголовного дела [10. С. 65]. Некоторые процессуалисты выступают против этого, утверждая, что подобные конструкции излишне усложняют уголовно-процессуальный закон и практическую деятельность [11. С. 11]. С данной позицией вполне можно согласиться. И заподозренный, и очевидец – это некие суррогаты полноценных участников уголовного судопроизводства, появляющихся в формально-юридическом смысле после возбуждения уголовного дела. Не совсем ясно, для чего вводить процессуальные статусы, в содержательном аспекте полностью аналогичные тем, что возникают после возбуждения дела, и при этом характеризующиеся очевидной упрощенностью и «усеченностью». Представляется очевидным, что наиболее целесообразным путем регламентации уголовно-процессуальных отношений является универсализация, то есть создание «сквозных» статусов и процедур, одинаковых на всех стадиях уголовного судопроизводства, а не «дробление» соответствующих статусов и процедур.

Применительно к объяснениям, полагаем, что проблема объема прав адвоката может быть решена, исходя не из процессуального статуса участников получения объяснения (которого в формально-юридическом смысле просто нет), а исходя из содержания получения объяснений. Поскольку данное проверочное действие носит вербальный характер и заключается в получении сведений, отобразившихся и закрепившихся в сознании человека, адвокат при получении объяснений должен иметь базовые права, присущие представителю опрашиваемого лица, обусловленные самой сущностью, природой указанного процессуального действия: а) присутствовать при получении объяснения с начала и до конца; б) давать опрашиваемому краткие консультации в присутствии лица, получающего объяснения, по разъяснению опрашиваемому его процессуальных прав, а также по существу сообщаемых сведений; в) задавать с разрешения должностного лица, проводящего проверочное действие, вопросы опрашиваемому, которые должны быть занесены в документ, фиксирующий результаты получения объяснений; г) знакомиться с указанным документом, делать обязательные для фиксации замечания по поводу правильности отражения в нем сведений, сообщенных опрашиваемым. Нетрудно заметить, что в ходе допросов такой объем прав присущ адвокату любого допрашиваемого лица, независимо от его процессуального статуса.

Кроме правил, прямо указанных в законе, правоприменительная практика при получении объяснений у несовершеннолетних идет по пути приглашения на данное проверочное действие их родителей либо иных законных представителей (в данном случае этот термин понимается не в уголовно-процессуальном смысле, поскольку с этой точки зрения законных представителей просто нет, а в семейно-правовом). Такое «расширение» прав лица, у которого получают объяснения, не противоречит уголовно-процессуальному закону и, соответственно, не является несоблюдением процессуальной формы получения объяснений. В указанной ситуации права лица, у которого получают объяснения, не нарушаются, а напротив, гарантируются в более полной мере. Данный подход не может противоречить смыслу уголовно-процессуального закона и порождать какие-либо сомнения в законности результатов получения объяснений.

Помимо этого, при получении объяснений от лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, обеспечивается присутствие переводчика. Несмотря на то что приглашение переводчика на данное проверочное действие формально не является обязанностью должностного лица, его производящего, фактически оно должно обеспечить его присутствие. Во-первых, иной подход означал бы нарушение конституционных прав лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, поскольку Конституция Российской Федерации устанавливает право пользования родным языком в качестве основного, базового и не дифференцирует возможность его реализации в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. Соответственно, если отраслевой закон (в рассматриваемом случае – УПК РФ) содержит определенные пробелы по нормативной регламентации реализации данного права на какой-либо стадии уголовного процесса, эти пробелы не могут интерпретироваться как отсутствие у человека соответствующего права, а должны быть восполнены в ходе правоприменения, в том числе путем процессуальной аналогии. Во-вторых, отсутствие переводчика, даже если абстрагироваться от

необходимости обеспечения конституционных прав участников уголовно-процессуальной деятельности, просто исключает правильное понимание лица, от которого получают объяснения, и делает проведение указанного проверочного действия совершенно бессмысленным.

С учетом изложенного можно сформулировать следующий процессуальный порядок получения объяснений.

Продолжительность проведения данного проверочного действия должна соответствовать продолжительности допроса и в силу этого составляет:

- не более 8 часов в день и 4 часов подряд – для совершеннолетнего;
- не более 4 часов в день и 2 часов подряд – для лица в возрасте от 14 до 18 лет;
- не более 2 часов в день и 1 часа подряд – для лица в возрасте от 7 до 14 лет;
- не более 1 часа в день и 30 минут подряд – для лица в возрасте до 7 лет (чч. 3 и 2 ст. 187, ч. 1 ст. 191 УПК РФ).

Должностное лицо, получающее объяснения, обязано обеспечить присутствие всех требующихся лиц (адвоката, родителя, переводчика и т.п.). После этого опрашиваемому и иным участвующим лицам объявляется, в связи с чем производится данное проверочное действие (называется номер регистрации материала в КУСП либо сообщается краткое содержание сообщения о преступлении).

Вслед за этим у опрашиваемого выясняются данные о личности: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, гражданство и национальность (установление национальности необходимо для решения вопроса о предоставлении переводчика), образование, семейное положение, место работы, паспортные данные, наличие или отсутствие судимостей или фактов привлечения к уголовной ответственности, нахождение на учете у нарколога либо психиатра.

Затем лицу, у которого получают объяснения, разъясняются права: а) на участие адвоката; б) на участие родителя (в отношении несовершеннолетних опрашиваемых); в) на участие переводчика; г) на право отказа от сообщения сведений против самого себя и близких родственников. Факт разъяснения каждого права подтверждается подписью опрашиваемого.

Лицо, у которого получают объяснения, не должно предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний [12. С. 1463]. В ряде случаев в правоприменительной практике такие предупреждения производятся (например, автором работы в ходе анкетирования было установлено, что предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ практикуются в некоторых районах Тюменской области), однако подобные действия не просто не основаны на законе, а прямо противоречат его смыслу. Во-первых, соответствующие нормы уголовного закона прямо предусматривают в качестве субъектов данного преступления только участников уголовного судопроизводства. Расширение действия уголовно-правовых норм представляет собой не что иное, как применение уголовного закона по аналогии, то есть действия, категорически запрещенные уголовным законодательством. Во-вторых, такие предупреждения не соответствуют базовой конструкции стадии возбуждения уголовного дела, не предусматривающей мер уголовно-процессуального принуждения. В-третьих, в отличие от допроса свидетеля и потерпевшего, законодательная регламентация которого прямо предусматривает обязанность следователя предупредить допрашиваемых об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ, конструкция получения объяснений такого правила не содержит. Исходя из общих положений общеправового характера, если какие-либо права и «процессуальные привилегии» в определенных случаях могут предоставляться по аналогии, то применение по аналогии обязанностей и мер ответственности исключается в принципе. Поэтому имеющаяся отметка в объяснении о предупреждении опрашиваемого об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний не только не повышает достоверность сообщенных сведений, но должна однозначно приводить к признанию такого объяснения незаконным. Более того, в силу фундаментального характера отмеченных обстоятельств вопрос о введении уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение сведений в ходе получения объяснений невозможно решить путем механического изменения соответствующей статьи уголовного закона, на чём настаивают некоторые процессуалисты [13. С. 80]. Кроме того, в случае реализации отмеченных предложений исчезнет грань между получением объяснений и допросом, и будет непонятно, для чего необходимо одновременное существование двух различных по наименованию, но одинаковых по содержанию процессуальных действий [14. С. 62].

После разъяснения процессуальных прав опрашиваемому права разъясняются иным лицам, присутствующим при получении объяснений: адвокату, родителю несовершеннолетнего опрашиваемого, переводчику. Факт разъяснения данным лицам прав удостоверяется их подписью.

Закон не запрещает применять при получении объяснений технические средства фиксации (как правило, это видеозапись). Соответственно, участникам указанного проверочного действия до начала изложения опрашиваемым сведений должно быть объявлено о факте применения технических средств и сообщено, какое средство и кем будет применяться. Лицо, непосредственно обслуживающее техническое средство, должно признаваться в процессуальном смысле специалистом, тем более что участие специалиста в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства допускается и до возбуждения уголовного дела.

После этого опрашиваемому предлагается сообщить известные ему сведения по соответствующему факту. Хотя строгих правил получения сведений в законе не установлено, очевидно, что следует придерживаться базовых правил, установленных для допроса.

В частности, целесообразно вначале выслушать свободный рассказ опрашиваемого, затем задать ему вопросы. Запрещаются вопросы двух видов: а) наводящие (содержащие прямой ответ на поставленный вопрос); б) улавливающие (состоящие из двух таким образом сформулированных частей, что любой ответ на вторую часть вопроса предполагает положительный ответ на первую часть). Лица, присутствующие при получении объяснений, вправе задавать вопросы после должностного лица, производящего проверочное действие, и с его согласия. При этом должностное лицо не вправе отклонить заданный вопрос безмотивно или по мотивам того, что он не соответствует его версии произошедшего события.

Сведения, сообщенные в ходе получения объяснений, фиксируются от первого лица и по возможности дословно. С учетом того, что объяснения, как правило, носят предварительный характер, и полученные сведения обычно вновь собираются в рамках допроса, объяснение исходя из обстоятельств, подлежащих выяснению, может быть не таким подробным и полным, как показания. Вместе с тем необходимо учитывать, что в объяснении, как и в допросе, главное – информативность. Иными словами, важно не отношение опрошенного лица к тому или иному событию и оценка им своих действий, а рассказ по существу этих событий и действий.

При получении объяснений требуется придерживаться стиля и характерных оборотов опрашиваемого (особенно это касается несовершеннолетних), не следует использовать речевые обороты, заведомо несвойственные опрашиваемому исходя из его возраста, уровня образования и иных подобных факторов. Искусственное «улучшение» языка опрашиваемого понизит уровень доверия к зафиксированным сведениям, поскольку всегда можно будет апеллировать к тому, что опрошенный сообщал сведения не сам, а подписал готовый документ.

Факт, ход и результаты получения объяснений фиксируются в письменном документе. В правоприменительной практике используются различные названия этого документа: «объяснение», «протокол объяснений», «протокол получения объяснений» и т.п. Очевидно, что поскольку закон не устанавливает строгой процессуальной формы для указанного проверочного действия, может использоваться любое из наименований, содержащее слово «объяснение».

Объяснение как письменный документ состоит из трёх частей: вводной, описательной и заключительной.

Во вводной части указываются:

- наименование документа;
- место проведения проверочного действия (населенный пункт);
- время начала и окончания получения объяснений с точностью до минуты;
- данные должностного лица, получившего объяснения (должность, звание, фамилия и инициалы);
- помещение или служебный кабинет, в котором были получены объяснения;
- обстоятельства, в связи с которыми производилось получение объяснений (как правило, регистрационный номер материала в КУСП);
- ссылка на ст. 144 УПК РФ;
- данные о личности опрашиваемого;
- отметки о разъяснении опрашиваемому его процессуальных прав;
- данные о присутствующих лицах;
- отметки о разъяснении данным лицам их процессуальных прав;
- отметка о применении технических средств.

В описательной части объяснения излагаются сведения, сообщенные опрошенным.

В заключительной части указываются:

- факт оглашения зафиксированных сведений опрошенному и остальным участникам проверочного действия;
- подписи опрошенного (рекомендуется предварять ее фразой «с моих слов записано верно и мною прочитано») и других лиц, участвовавших при получении объяснений;
- замечания и заявления опрошенного и иных участников получения объяснений.

Объяснение подписывается опрошенным, всеми остальными участниками получения объяснений, и должностным лицом, производившим проверочное действие. Кроме того, по смыслу закона, опрашиваемый, родитель и переводчик должны подписать каждую страницу объяснения.

В настоящее время правоприменительной практикой выработан еще один способ получения объяснений, прямо не предусмотренный законом. Он получил наименование «перекрестный опрос» и представляет собой одновременное попеременное получение объяснений от двух лиц. Интервьюирование сотрудников полиции показало, что в настоящее время такое действие производится в некоторых районах Тюменской и Челябинской областей. По сути перекрестный опрос представляет собой аналог очной ставки, но он производится до возбуждения уголовного дела между лицами, не обладающими самостоятельными процессуальными статусами. Перекрестный опрос имеет ту же цель, что и очная ставка – устранение противоречий в объяснениях соответствующих лиц. В силу этого процессуальный порядок перекрестного опроса совпадает с порядком проведения очной ставки, за исключением того, что его участники не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. Активное внедрение в практику перекрестного опроса красноречиво подтверждает, на наш взгляд, тенденцию к изменению назначения стадии возбуждения уголовного дела, перед которой, по сути, стали ставиться задачи не просто подтверждения события преступления, но и максимально возможного установления обстоятельств его совершения [15. С. 36; 16. С. 79; 17. С. 19].

Важным представляется вопрос о доказательственном значении результатов получения объяснений, то есть объяснения как письменного документа, фиксирующего факт, ход и результаты данного проверочного действия.

В ч. 1² ст. 144 УПК РФ установлено, что результаты проверочных действий, в том числе и объяснений, могут быть признаны доказательствами, если эти действия отвечают требованиям допустимости доказательств, предусмотренным в ст. 75 УПК РФ.

Некоторыми учеными предложен весьма упрощенный подход: объяснения должно быть признано доказательством, если соблюден порядок проведения этого проверочного действия [14. С. 58-61; 18. С. 30; 19. С. 20].

Следует учитывать, что формулировка ч. 1² ст. 144 УПК РФ содержит определенное противоречие, поскольку в ч. 2 ст. 74 УПК РФ включен исчерпывающий перечень доказательств (показания свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого; заключения и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных действий и судебного заседания; иные документы), и требования допустимости законом предъявляются только к этим видам доказательств. Наиболее близкий в гносеологическом смысле к получению объяснению вид доказательств – это показания, на что обращается внимание в научной литературе [20. С. 115]. Вместе с тем в УПК РФ четко определено, что в качестве показаний можно расценивать сведения, получаемые исключительно в рамках допроса. Теория уголовного процесса и правоприменительная практика допускают известное расширение понятия «допрос» применительно к виду доказательств, включая в указанное понятие такое следственное действие, как очная ставка. Однако очная ставка в гносеологическом смысле представляет собой разновидность допроса, хотя и имеющую самостоятельный характер в формально-правовом аспекте. Проверочное же действие «получение объяснений» допросом считать нельзя. В силу указанных обстоятельств правильнее говорить о наличии у результатов получения объяснений признака допустимости в том смысле, что они должны не просто иметь все необходимые формальные реквизиты, установленные для объяснений, но и не должны противоречить базовым правилам, установленным законом для получения доказательств.

Решение вопроса о доказательственном значении проверочных действий, и в том числе объяснений, должно осуществляться главным образом исходя из сущности стадии возбуждения уголовного дела, поскольку именно природа данной стадии предопределяет и специфику принадлежащего ей процессуального инструментария. На стадии возбуждения уголовного дела устанавливаются признаки преступления как такового. Однако совершенно очевидно, что выявленные признаки преступле-

ния должны быть надежно зафиксированы, поскольку именно при этом условии принимаемое решение о возбуждении уголовного дела будет по-настоящему законным и обоснованным [21. С. 194]. Соответственно, если на этой стадии требуется фиксировать какие-либо обстоятельства, необходимо сделать это с максимальной степенью достоверности хотя бы для того, чтобы не дублировать установление тех же самых обстоятельств на последующих стадиях уголовного процесса. В свою очередь, если добиваться от результатов проверочных действий достоверности устанавливаемых в результате их проведения событий, неясно, почему следует однозначно отказываться этим результатам в доказательственном значении.

Конституционный Суд Российской Федерации также разделяет указанную точку зрения, указывая, что ст. 74 УПК РФ не содержит каких-либо положений, исключающих доказательственное значение документов, полученных в результате проверки заявлений о преступлениях [22].

На все отмеченные обстоятельства обращают внимание многие процессуалисты, предлагающие расценивать объяснения как иные документы [23. С. 125; 24. С. 212-213; 25. С. 10] либо даже как показания [13. С. 78-80; 26. С. 42; 27. С. 43]. В.М. Быков полагает, что объяснение представляет собой другой вид доказательств – не показания и не иной документ [9. С. 28]. С такой точкой зрения сложно согласиться, поскольку исчерпывающий перечень видов доказательств содержится в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Кроме того, неясно, чем объяснение в гносеологическом аспекте отличается от показания, а в формальном – от иного документа.

Вместе с тем доказательственное значение результатов проверочного действия обусловлено его природой. Получение объяснений как действие «вербального» характера не имеет такого гарантирующего достоверность их результатов механизма, как предупреждение опрашиваемого лица об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний. Поэтому получение объяснений в существующем виде не способно в полной мере заменить допрос [28. С. 32]. Даже несмотря на то, что в процессе получения объяснений соблюдены все предъявляемые к ним процедурные требования, и, казалось бы, допустимость их результатов обеспечена, приравнивать их к показаниям невозможно. Таким образом, результаты получения объяснений в уголовном судопроизводстве статус показаний приобрести не могут. При этом данную проблему нельзя решить механическим изменением формулировки ч. 2 ст. 74 УПК РФ (указанием на то, что показаниями являются сведения, сообщенные не только на допросе, но и при получении объяснений), как это предлагают отдельные специалисты [29. С. 81]. Нельзя согласиться с О.Л. Васильевым, утверждающим, что «если гражданина при получении объяснений предупреждают о его праве не свидетельствовать против себя и его близких родственников, это означает, что он обязан свидетельствовать против всех остальных – разве что по закону его не обязаны предупреждать об уголовной ответственности за отказ от этой обязанности и за дачу ложных показаний» [30. С. 104]. Обязанность, не подкрепленная мерами ответственности, является декларативной, а ее невыполнение не влечет никаких негативных последствий. Соответственно, сдерживающего фактора, аналогичного предупреждению лица об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, установленному для производства допроса, при получении объяснений не имеется.

Поэтому в правоприменительной практике объяснения после установления соблюдения процедуры их получения и фиксации их результатов (то есть после подтверждения допустимости) признаются иными документами. В ряде случаев практика стремится выработать механизмы, придающие объяснениям как иным документам дополнительную силу. Например, в ряде регионов объяснения осматриваются, причем в протоколе осмотра они дословно воспроизводятся, и впоследствии следователь использует данный протокол для обращения к содержанию объяснения. Иными словами, доказательственное значение при подобном подходе имеют не сами объяснения, а результаты их осмотра.

Однако отнесение объяснений к иным документам, с чем можно полностью согласиться, также не способно в полной мере решить проблему их доказательственного значения, поскольку правовая природа иных документов явно не предполагает, что они могут фиксировать сведения об обстоятельствах преступления, сообщенные лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве. Для этого и создан самостоятельный вид доказательств – показания, а также средства его формирования (следственные действия: допрос и очная ставка как разновидности допроса). Иные документы просто не приспособлены для фиксации показаний, как, например, «вербальные» следственные действия не соответствуют целям изъятия материальных объектов. Осмотр объяснений также не превращает их в показания, поскольку природа самого объяснения не меняется от того, что впоследствии на его базе создано некое производное доказательство.

Исходя из этого, необходимо признать, что объяснения в уголовном судопроизводстве, как правило, имеют ориентирующее значение. Вместе с тем в определенных ситуациях они должны учитываться при оценке достоверности показаний, данных позднее на допросе. Так, в сентябре 2006 г. сотрудниками ГИБДД на автомобильной трассе были задержаны два грузовых автомобиля, перевозящие более 5 т спирта. По информации, спирт предназначался для нелегальной розничной продажи в нескольких районах Свердловской области. Немедленное принятие решения о возбуждении уголовного дела не представлялось возможным. По указанному факту была проведена проверка, по результатам которой в возбуждении уголовного дела было отказано. После этого постановление об отказе в возбуждении уголовного дела неоднократно отменялось, а материал направлялся на дополнительную проверку, которая в общей сложности проводилась около 5 месяцев. За указанный период владелец и водитель автомобиля И. неоднократно опрашивался по обстоятельствам перевозки спирта, причем каждый раз выдвигал новые версии. После возбуждения уголовного дела И. был несколько раз допрошен в качестве подозреваемого. Вину в инкриминируемом деянии он не признал и вновь предлагал различные версии имевших место событий. Следователем в обвинительном заключении был приведен анализ показаний, данных И. в качестве подозреваемого и обвиняемого, а также были изложены сведения, сообщенные И. в объяснениях, полученных до возбуждения уголовного дела. Именно такой анализ позволил установить механизм изменения И. своих показаний. В обвинительном приговоре суд признал показания И. недостоверными, ссылаясь в анализе, в том числе, на объяснения, данные И. до возбуждения уголовного дела^{*}. В данной ситуации судом оценивались результаты получения объяснений, но не сами по себе, а в неразрывной связи с полученными показаниями. Думается, что такой алгоритм можно предложить в качестве универсального: результаты объяснений допускается использовать в совокупности с полученными впоследствии показаниями для оценки достоверности последних. Сами по себе объяснения имеют ориентирующий характер и в качестве показаний выступать не могут, в том числе и в случаях, когда они признаны по уголовному делу иными документами.

При этом законом установлено примечательное исключение из общего правила, когда объяснения могут приобрести самостоятельное доказательственное значение – если они получены при производстве дознания в сокращенной форме. Данное решение законодателя обусловлено спецификой доказывания при применении указанной формы дознания, характеризующейся определенной упрощенностью. Возможность использования объяснений в качестве доказательств при проведении дознания в сокращенной форме прямо закреплена законом, но несмотря на это правильность данного положения вызывает некоторые вопросы. Во-первых, для российского уголовного судопроизводства характерен универсализм средств доказывания. Иными словами, по преступлениям любой категории используется одинаковый набор следственных и процессуальных действий. Во-вторых, названное правило не коррелирует с базовыми положениями доказательственного права (прежде всего, видами доказательств). В практической деятельности, допуская использование объяснений как доказательств при производстве дознания в сокращенной форме, исходят из того, что это прямо сформулированное исключение из общего правила.

Кроме того, результаты получения объяснений могут использоваться для принятия решений: а) о возбуждении уголовного дела и квалификации содеянного на данной стадии уголовного судопроизводства; б) о производстве следственных действий; в) о задержании лица и избрании меры пресечения; г) в ряде случаев – для предъявления первоначального обвинения. В последнем случае объяснения могут учитываться только тогда, когда содержащиеся в них сведения не противоречат установленным фактам, зафиксированным в иных документах (рапортах сотрудников правоохранительных органов, протоколе осмотра места происшествия и т.п.). В любом случае в ходе предварительного расследования по соответствующим обстоятельствам должны быть произведены допросы тех или иных лиц.

В уголовном судопроизводстве объяснения получают не только на стадии возбуждения уголовного дела. Имеют место, по крайней мере, три ситуации, когда производится указанное процессуальное действие.

Во-первых, объяснения могут быть получены в ходе предварительного расследования должностными лицами правоприменительных органов, не имеющими полномочиями по производству следственных действий. Например, сотрудники оперативных подразделений в ходе выполнения поручения следователя устанавливают лицо, обладающее сведениями об обстоятельствах, подлежащих до-

^{*} Уголовное дело № 254307. 2008 год // Архив Сысертского районного суда Свердловской области.

казыванию. У такого лица, как правило, первоначально отбирается объяснение, после чего об установлении данного лица извещается следователь. Очевидно, что получение объяснений в указанном случае носит четко выраженный предварительный характер. Оно изначально направлено не на процессуальное закрепление сведений, которыми обладает соответствующее лицо, а лишь на подтверждение факта обнаружения лица, имеющего информацию о преступлении. Соответственно, для придания данной информации доказательственного значения требуется допрос лица, а результаты получения объяснений носят исключительно ориентирующий характер.

Во-вторых, объяснения получают по приостановленному уголовному делу для подтверждения обстоятельств, требующих возобновления производства. Например, в правоприменительный орган обращается лицо, увидевшее похищенное у него имущество на рынке или в комиссионном магазине. Данное лицо опрашивается, и опять не для того, чтобы закрепить полученную информацию в доказательство, а для официального подтверждения необходимости возобновления расследования. В указанной ситуации объяснение также имеет только ориентирующее значение.

В-третьих, объяснения могут получаться в рамках проверки, проводимой для установления вновь открывшихся или новых обстоятельств, указанных в п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ. Порядок проведения такой проверки законодательно не регламентирован. В случаях, когда речь идет об обстоятельствах, не представляющих собой самостоятельного преступления (например, представление лицом ложных документов, удостоверяющих личность, либо симулирование психического заболевания, в результате чего к лицу необоснованно применяются меры медицинского характера), уголовное дело не возбуждается, а соответствующие факты проверяются средствами, предусмотренными для проверки сообщений о преступлениях (направление запросов, получение объяснений и заключений специалистов). В подобной ситуации объяснения носят только ориентирующий характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакшин В.С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки: науч.-практ. пос. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013.
2. Давлетов А.А. Возбуждение уголовного дела. Образцы процессуальных документов. Комментарии: учеб.-практ. пос. / Екатеринбургская высшая школа МВД России. Екатеринбург, 1994.
3. Петрухин И.Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ // Государство и право. 2005. № 1.
4. Зинатуллин З.З., Туров С.Ю. Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголовным делам: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2012.
5. Хитрова О.В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела: за и против // Правовое и криминалистическое обеспечения управления органами расследования преступлений: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М., 2011. Ч.1.
6. Шамонова Т.Н. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела и начало уголовного судопроизводства // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / Академия управления МВД России. М., 2014. Ч.2.
7. Марковичева Е.В., Васюков В.Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе: монография. М.: Проспект, 2016.
8. Ряполова Я.П. Уголовно-процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2016.
9. Быков В.М. Новый Закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Российская юстиция. 2013. № 5.
10. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4.
11. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.
12. Панокин А.М. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11.
13. Чабукиани О.А. Получение объяснения в ходе первоначальной проверки сообщений о преступлении // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (59).
14. Кузнецова С.М. Проблемы использования объяснений, полученных на стадии возбуждения уголовного дела в доказывании // Алтайский юридический вестник. 2014. № 5.
15. Гончан Ю.А. Функции стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Югорского государственного университета. 2007. № 2.
16. Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела: pro et contra // Библиотека криминалиста. 2014. № 1.

17. Каретников А.С., Каретников С.А. Назначение стадии возбуждения уголовного дела: декларируемое и действительное // Российский следователь. 2015. № 23.
18. Терехин В.В. Допустимость материалов проверки как доказательств // Российский следователь. 2013. № 11.
19. Чуркин А.В. Допустимость в уголовном процессе объяснений как новых доказательств // Российский следователь. 2013. № 17.
20. Фролова Е.Ю., Горбань А.В. Правовая обеспеченность доказательственной силы объяснения в уголовном процессе России // Уголовное право. 2015. № 3.
21. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2011 года № 1449-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бузина Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24, пунктом 2 части первой статьи 27, статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision78650.pdf> (дата обращения: 25 мая 2016 г.).
23. Балакшин В.С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 5.
24. Борисевич Г.Я. Документы как доказательства в российском уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1.
25. Хисматуллин И.Г. Проблемные вопросы регламентации производства дознания // Законодательство. 2015. № 10.
26. Матвеева Н.В. Правовая природа объяснений в уголовном процессе России // Российский судья. 2012. № 7. С. 39-42.
27. Новиков С.А. Показания обвиняемого в уголовном процессе России: проблемы допустимости // Российская юстиция. 2014. № 2.
28. Шалумов М.С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. № 3.
29. Ларинков А.А., Шеплюк В.А. Объяснения, полученные на стадии возбуждения уголовного дела, и их место среди источников уголовно-процессуальных доказательств // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т.48, № 4.
30. Васильев О.Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса. Критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8.

Поступила в редакцию 22.05.16

V.Yu. Stelmakh

EXPLANATIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS:

THE LEGAL NATURE, PROCEDURAL ORDER OF RECEIPT, EVIDENTIAL SIGNIFICANCE

The article examines the legal nature of explanations in criminal proceedings. The author believes that the explanations are of criminal and procedural rather than administrative and legal nature. The procedural order of explanation should, whenever possible, correspond to the order of interrogation. However, when receiving explanations the respondent has no obligation to give information and may not be warned about criminal responsibility for refusal to testify and for perjury. Currently, in addition to receiving an explanation, "cross-check questioning", i.e., a simultaneous reception of alternate explanations from the two parties, is common practice in law enforcement. Results of obtaining an explanation cannot be regarded as evidence, and in terms of types of evidence in criminal proceedings they are regarded as other documents. Moreover, as a rule, explanations cannot have evidential value because they do not have such a mechanism of ensuring the correctness of the information reported as warning the interviewee of criminal responsibility for refusal to testify and for perjury. At the same time, in some situations, explanations are considered in conjunction with statements given later to assess the validity of these statements.

Keywords: criminal proceedings, institution of prosecution, verification steps, explanations, evidence and other documents.

Стельмах Владимир Юрьевич

Уральский юридический институт МВД РФ
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66
E-mail: vlstelmah@mail.ru

Stelmakh V.Yu.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Korepina st., 66, Ekaterinburg, Russia, 620057
E-mail: vlstelmah@mail.ru